

„Лит. газета“ 1977, 12 окт. № 48

Герои Константина
Тренева на голубом
экране

ИТАК, снова «Любовь Яровая». Тех знаменитых, исторических спектаклей Малого и МХАТа я не видела. Сколько о них спорили! Сколько писали! А мне помнится из эфира низкий, гортанно-трагический голос исполнительницы главной роли — Пашенной. Нервный, чеканно-резкий тенор Михаила Ярового — Царева, чарующе-коварный напев Павлы Петровны Пановой — Гоголевой.

И вот новый фильм-спектакль, созданный Центральным телевидением и режиссером Виктором Турбиным. Все тот же умный, драматичный и острый Константин Тренев — мастер эпического театра, воссоздавший и воспевавший героическое Время революции. Все понимавший и многое предугадавший. Романтик, не теряющий чувства юмора. Реалист, который не боится быть поэтом.

Нет, пьеса не устарела. Ничего не потеряла. Это мы — ее зрители — приобрели: опыт, знания... Биографию. Это, естественно, наложило отпечаток на сегодняшнее прочтение спектакля. Заново воспринимается многое. Но сохранилось главное — Время.

Как хотелось комиссару Кошкину (трогательно-незащищенному и одновременно жесткому в своей революционной нравственности — таким его играет А. Мартынов), как хотелось Роману Кошкину сразу, в один день все наладить, одним махом поставить на колеса если не мировой революции, то по крайней мере новой жизни. И переучить учителей, и открыть сорок клубов, и заставить всех работать, и начать поголовное всеобщее обра-

рекроелось... Но в этом калейдоскопе судеб, страстей, надежд и разочарований режиссер надолго останавливается рядом с образами двух женщин. Они полярны и навсегда, на всю дальнейшую жизнь, несовместимы. Но при всей своей сдержанной скрытности они наиболее открыто и обнаженно вскрывают то время, ту бурю смятений и чувств.

История рассудила, кто был прав, а кто виноват. Но почему таким путем пошла Лю-

Все потеряв, она начинает все сначала — и теперь уже для того, чтобы осветить жизнь другим, ибо в революции она видит возможность сделать людей свободными и счастливыми. Сквозь неодолимый марш времени она слышит будущее.

Тренева дороги в революции именно такие люди: Швандя, Яровая, Кошкин. Ее творцы, ее поэты, ее мечтатели.

«Привлечь к себе любовь пространства, услышать будущего зов...» — это дано не каждому. Панова же в исполнении Аллы Демидовой любит только себя. Когда время выбивает почву у нее из-под ног, она теряется и теряет. Демидова играет женщину умную и значительную, и потому так страшен ее конец. Жалкий и мелкий. Панова сломенна, разбита, она понимает, что летит в бездну, и цепляется за все и за всех. Гибель ее неминуема. Неминуема потому (и Демидова своей игрой это блестяще доказывает), что ей, Пановой, не дано услышать зов будущего. Потеряв ощущение реальности, она теряет все, и прежде всего себя.

В этом остротрагическом дуэте не последнюю роль играет и Михаил Яровой в исполнении Л. Филатова. Сначала откровенно однозначный, он постепенно, к концу спектакля, набирает заданную Демидовой и Чуриковой сложность характера. И он мечется, и он на грани душевного слома, но выхода ему не дано найти.

В конце пьесы, когда Ярового уведат, у Тренева есть такая ремарка: Любовь «посмотрела вслед и со стоном закрыла глаза, быстро успокоилась...»

Нет, она не успокоилась — тут мы позволим себе поверить Чуриковой и режиссеру. Невозможно такому человеку быстро все забыть и быстро все сменить — и в этом его надежность.

Нет, не сразу сделала Любовь Яровая свой выбор. Но сделала. И убедила нас, что не задан он ей был, не наречен. Она сама к нему пришла.

Алла ГЕРБЕР

ТОВАРИЩ ЯРОВАЯ

зование... И решить все вопросы о «вселении, переселении и уплотнении». И электрифицировать город «в ударном порядке», и уничтожить контрреволюцию в порядке «текущих дел». Как ему этого хотелось и сколько потребовалось времени, чтобы не сразу, не одним махом, но так или иначе это произошло!

Удивительное время, которое входило в XX век, как шел в революцию тренеvский матрос Швандя, — размашисто, отважно, неудержимо...

В противоборстве социальных сил и характеров режиссер В. Турбин высвечивает два силуэта. Два образа. Два значительные личности — Яровую и Панову. Они и Трениным были, пожалуй, лучше всех выписаны, но благодаря Инне Чуриковой и Алле Демидовой стали самым значительным впечатлением пьесы.

Да, многое сместилось, пе-

бовь Яровая и никаким — Панова, нам помогает сегодня понять блистательная игра двух актрис. Инна Чурикова играет прежде всего живого, безраздельно и преданно любящего человека. Любовь для нее — дар редкий, чудный дар, и ей откровенно все мелкое, унижающее человеческую природу. Актриса идет от сути своей героини, от богатства ее души — к высотам идей. Чувство привело ее в революцию — любовь к мужу, но он-то и предал ее любовь. Она еще любит, она еще верит ему, она умоляет его одуматься. Она цепляется за эту последнюю возможность спасти арестованных большевиков и одновременно спасти свою любовь. Для нее это одно — любовь и справедливость.

И вот предательство... Смертельную боль Чурикова передает с такой силой, что мы ощущаем ее почти физически.

Нет больше наивной Любы Яровой, есть товарищ Яровая.

ОКТАБРЬСКАЯ
РУБРИКА «ЛГ»

ПРЕМЬЕРЫ